

Виктор Цой и группа «Кино»

Текст Джоанна Стингрей

ПЕРВЫЙ РАЗ Я УВИДЕЛА ВИКТОРА на фестивале ленинградского Рок-клуба в 1984 году. Меня привел туда Борис Гребенщиков, который предупредил меня, что здесь нельзя говорить по-английски, поскольку к появлению иностранцев в таких местах относились, мягко говоря, напряженно. А так как в то время я вообще не знала русского, то это означало просто молчать. «Кино» еще не

начали играть, но я увидела, как Виктор стоит на сцене, и была поражена, насколько энергетична его фигура. Помню, как услышала песню «Видели ночь». Я не понимала текстов, но это было не важно, потому что я испытала настоящий шок, или точнее, как в боксе, — хук! Но вспомните, какое было время. Меня после этого концерта чуть не похитил КГБ. Они каким-то образом поняли, что я иностранка, подошли и стали задавать какие-то вопросы, но они не говорили по-английски и, может быть, немного растерялись. Цой какими-то потайными путями вывел меня во двор, в общем, все было как в настоящих шпионских фильмах. Не знаю, но каким-то загадочным образом мне удалось удизнить. Когда стало понятно, что вроде бы все в порядке, я оказалась на квартире в самом центре Питера. Там были Боря Гребенщиков и Сева Гаккель, которые хорошо говорили

по-английски. Туда же приехали Виктор (он тоже немножко говорил по-английски) и Юрий Каспарян. Я тут же призналась им,

что мне очень понравилась их музыка. После той встречи мы больше не расставались. Забавная история связана с песней «Tsoi song», это такая веселая песенка про жизнь у теплого океана. Виктор, Юра и я возвращались из гостей около двенадцати или часа ночи. В Ленинграде тогда грянули морозы, было так холодно, что я почти плакала. Я и сейчас думаю, что это был

самый страшный холод в моей жизни. Дико холодно, и ни одной машины! И тогда Виктор сказал: «Джо, смотри, ведь мы не можем ничего изменить, давай просто сыграем в игру — давай представим, что мы сейчас в том месте, где нам больше всего сейчас хотелось бы оказаться! Пусть это будет Ямайка, берег очень теплого океана, мы пьем ром, курим, и все очень здорово». Такси мы поймали часа через полтора, а в процессе втроем написали эту песню. Прошло несколько лет, и случилось невозможное. Мы действительно оказались на берегу теплого океана. Правда, не на Ямайке, а в Штатах. В 1988 году я встре-

бенком...» В июне 1990 года я была на последнем концерте «Кино» в «Лужниках». Представьте себе шестьдесят тысяч человек, распевающих песни Цоя. Это было чарующее зрелище. Тогда же устроили специальный салют и зажгли олимпийский факел. Сразу после концерта мы попрощались с Виктором — на следующий день я улетала в Штаты. В тот день, 24 июня 1990 года, я увидела его в последний раз. Главная черта Цоя — его способность загипнотизировать любого слушателя или собеседника собственной энергетикой. Это был настоящий густок энергии. Я до сих пор уверена — Витя всегда будет одним из самых зна-

Меня после этого концерта чуть не похитил КГБ. Цой какими-то потайными путями вывел меня во двор, в общем, все было как в настоящих шпионских фильмах

тила Виктора и Юру в аэропорту, и мы отправились в путешествие по Америке. Две недели мы провели, как дети, наслаждаясь жизнью. Мы скакали на лошадках, катались на снегоходах, ездили на океан, были в Лас-Вегасе, ходили по магазинам и наконец поехали в Диснейленд, который понравился Виктору больше всего. Он тогда все время повторял: «Я опять чувствую себя ре-

чительных персонажей русского рока. Его действительно можно назвать настоящим героем! Таких даже на Западе немного. Когда приходит в голову та морозная ночь в Ленинграде и его слова: «Джо, не грусти, пожалуйста, не плачь, будь счастлива».

Иллюстрация Яна Франк и Андрея Дорохин